

— Папа, папа... у него живот... Живот поврежден, Шаман сказал, что задеты кишки...

У Гу не смог договорить, его голос перехватило рыдание, и он громко зарыдал. Слезы текли ручьем по его щекам.

— Невестка, что делать, что делать? Папа, папа...

У Чэнь молча встал, его глаза были полны тревоги. Мужчина рванулся к выходу.

Юэ Линь поймал юношу и мягко успокоил его:

— Не бойся, не бойся! Сейчас мы с тобой и твоим братом пойдём к твоему отцу. Не паникуй! Слушай меня, успокойся.

Юэ Линь быстро схватил свои surgical инструменты и заранее заготовленные высушенные травы, затем побежал вслед за У Гу в Племя Яньи.

У входа в племя собралась толпа — мужчины, женщины, старики и дети. Их лица были омрачены горем, и появление У Чэня даже не привлекло их внимания.

Юэ Линь взял У Чэня за руку и успокаивающе кивнул:

— Не волнуйся.

У Чэнь стоял на краю толпы, и в его глазах, устремленных на Шамана Яньи и Хэй Мэна, сверкнул холодный свет.

Пробираясь сквозь толпу с У Гу, Юэ Линь почувствовал, как тяжесть горя племени давит на ноги, словно на них повесили сотни килограммов.

Огромный мужчина лежал на сетке, сплетенной из старых лиан. Его глаза были закрыты, рана зияла. Несколько мужчин, которых Юэ Линь видел несколько дней назад, стояли в напряженной позе перед черным детиной, а за его спиной прятался Шаман Яньи.

— Шаман, не защищай Хэй Мэна! Именно из-за него вождь получил рану! — голос Янь Хуна звучал холодно и зло. Он скрежетал зубами, глядя на Хэй Мэна, прячущегося за спиной Шамана, и был готов тут же наброситься на него и убить.

— Да, Шаман, отойди! Сегодня это дело не может быть оставлено без последствий! — Цзо Шань поднял свой каменный нож над головой.

Кто-то из толпы охотников крикнул:

— Предателя племени — смерти!

Толпа взбудоражилась, и все взоры племени с ненавистью устремились на Хэй Мэна. Гул голосов перекрыл даже шум ветра.

— Смерть предателю!

Хэй Мэн съежился, вжав голову в плечи и прячась за сухощавой фигурой Шамана Яньи. Он чувствовал исходящую от всего племени угрозу, и его тело дрожало.

Шаман Яньи стряхнул руку Хэй Мэна со своей одежды. Хотя он сам и говорил, что хочет убрать

У Яна, он не приказывал Хэй Мэну, этому глупцу, срывать охоту. Шаман был раздражен, но сейчас не время для разбирательств с подручным.

На лице пожилого Шамана появилось выражение смирения, и он произнес:

— Вы утверждаете, что Хэй Мэн намеренно не помог во время охоты, из-за чего саблезубый тигр и ранил У Яна. Но я не могу судить, опираясь только на ваши слова. Хэй Мэн, расскажи, как всё было.

— Когда мы загнали саблезубого тигра, мы уже вонзили несколько деревянных копий ему в грудь. У Ян сам неосторожно попал под клыки тигра. Это не моя вина!

Хэй Мэн нагло врал, глядя на толпу янцев, которые готовы были растерзать его на куски. Говорить правду сейчас было верной дорогой на тот свет.

Охотник Янь Ху с тревогой крикнул Шаману Яньи:

— Шаман, нельзя верить словам Хэй Мэна, этого мерзавца! Всё потому, что он тянул время и не воткнул последнее копьё в глаз тигра, вождь и пострадал!

— Да, мы все это видели!

Лицо Шамана Яньи потемнело, он нахмурился и косо посмотрел на Янь Ху.

— Замолчите! Всё решится, когда вождь проснется. Хэй Мэн — заместитель вождя Племена Яньи, и я один не могу решать его судьбу.

— Твою мать, Шуй И, ты старый черт! Думаешь, если У Ян без сознания, мы ничего не можем с тобой сделать?! Я тебя убью!

Цзо Шань схватил с земли деревянное копьё и бросился к Шаману Яньи.

Несколько крупных мужчин, стоявших рядом с Шаманом, также вооружились копьями, и громкий, полный силы голос прозвучал в воздухе:

— Цзо Шань, ты с ума сошел?! Стой!

Шаман Яньи усмехнулся. Давно никто не смел называть его просто по имени. В Племена Яньи, да и во всем хребте Хуанцзи, кто бы ни встретил его, все почтительно произносили «Шаман Яньи». Видя, как Цзо Шань остановили, Шаман Яньи был вне себя от ярости, но на лице сохранял лицемерное добродушие.

У Ян должен умереть, и эти люди, вроде Цзо Шаня, тоже должны погибнуть! Если бы не я, разве существовало бы Племя Яньи в его нынешнем виде? Почему У Ян пользуется в племени большим авторитетом, чем я? Я — Шаман, Шаман племени! Именно я должен решать его будущее. Шаман всегда один, а вождей можно менять сколько угодно! За что У Ян имеет такой авторитет? Почему большинство племени слушается его?!

Шаман Яньи кипел от гнева, но, глядя на лежащего без движения У Яна, на душе у него стало легче.

У Ян, ты популярнее меня? Все тебя слушаются? А сейчас я решаю, будешь ты жить или умрешь. Кишки повреждены, они будут гнить и разлагаться!

Как же приятно смотреть, как ты медленно и мучительно умираешь.

— Шаньху, Цзо Шань просто слишком переживает за вождя, поэтому и наговорил лишнего. Шаман не будет на него в обиде, — произнес Шаман Яньи с противной любящей улыбкой.

Затем его лицо омрачилось печалью:

— Цзо Шань, но в следующий раз такое недопустимо.

Шаман Яньи медленно, опираясь на посох, направился к Храму. Он выглядел так мирно, словно святой.

— Мои соплеменники, молитесь Богу-Предку о его защите. Ваш Шаман будет молиться в Храме Шамана за выздоровление вождя. Пусть боги сохранят его.

Люди Племена Яньи протянули руки к небу, опустили на колени и поклонились каменной статуе, возвышающейся над Храмом Шамана, пребывая в молитве.

— Пусть Бог-Предок защитит нас, и пусть огонь Яньи горит вечно, охватывая весь свет.

Хэй Мэн поспешил вслед за Шаманом Яньи, направляясь к высокой платформе у Храма.

Шаман Яньи поднялся на возвышение и окинул взглядом толпу внизу.

Его мутные глаза с удивлением остановились на молодом мужчине, стоявшем в углу. У него были черные глаза, черные волосы свободно падали на спину, а четкие черты лица в лучах заката казались окутанными легким румянцем.

— У Чэнь...

Цзо Шань смотрел вслед удаляющимся Шаману Яньи и Хэй Мэну, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Глаза его налились кровью, и он тихо, так, чтобы слышал только сам, прошептал:

— Шуй... И...

Когда Шаман Яньи ушел, люди племени начали подниматься с колен, растерянно глядя на Храм.

— Мы, столько народу, можем подтвердить, что Хэй Мэн виноват в ранении вождя, а Шаман...

— Надо сжечь Хэй Мэна!

— Да!

— Сжечь его!

Женщины и дети, оставшиеся в поселке, узнав от своих мужей подробности ранения У Яна, с ненавистью смотрели на отряд Хэй Мэна.

— Фу, бесстыжий, мерзкий Хэй Мэн.

Цзо Фэн подошел к Цзо Шаню и похлопал брата по плечу, тяжело вздохнув:

— Шаман Яньи уже потерял доверие народа. Не паникуй. Сейчас нам нужно позаботиться о состоянии У Яна.

Толпа начала расходиться.

— Все идите по домам, не мешайте вождю отдыхать. Наш шум и крики ему не на пользу, — дрожащим голосом сказал Цзо Фэн, обращаясь к плотному кольцу соплеменников, окруживших У Яна.

— Цзо Фэн прав, я пойду домой и буду молиться за вождя. Бог-Предок обязательно его спасет!

— Идемте молиться!

...

— Я буду стоять на коленях, пока Бог-Предок не пообещает спасти вождя!

Детский голос прозвучал ясным звоном в тишине.

Янь Хун, с красными от слез глазами, присел на корточки у бока У Яна и смотрел на рану на его животе. Слеза скатилась по его щеке.

— У Ян... Посмотри, какой ты великий. Все племя смотрит на тебя, надеется на тебя, что ты приведешь нас к лучшей добыче.

— У Ян...

Кто-то с рыданиями произнес имя вождя, и несколько могучих мужчин, стоявших рядом, не смогли сдержаться. Глаза их покраснели. Цзо Шань плакал, всхлипывая.

— У Ян, я, Цзо Шань, говорю как есть. Если с тобой что-то случится, я обязательно убью Хэй Мэна, чтобы он отправился вслед за тобой.

Цзо Шань был полон ярости, все его тело дрожало в неконтролируемом гневе, вены вздулись на лбу.

Внезапно раздался голос.

<http://bllate.org/book/16442/1490808>